

Чу Цзюсюй махнул рукой и равнодушно произнес:

— До семи лет я рос именно так, так что мне всё прекрасно знакомо, вот только я привык действовать в одиночку. Если бы ты обладал хотя бы половиной сообразительности того маленького нищего, я был бы уже вполне доволен.

Цин Юй, который уступал тому нищему даже половину, мысленно взвыл: «...»

Ваш Высочество, если вы и дальше продолжите в том же духе, то действительно лишитесь своих подчиненных!

Евнух Ван зыркнул на Цин Юй:

— Вернемся в столицу — лично сварю тебе свиных мозгов!

Подумать только!

Цин Юй указал пальцем на удаляющуюся спину евнуха Вана и вопросительно посмотрел на И Вэня:

— Когда это я успел его обидеть?

И Вэнь бросил на него пренебрежительный взгляд:

— Сначала обзаведись мозгами, а потом со мной разговаривай. Я серьезно боюсь заразиться твоей глупостью.

Цин Юй: «...»

Лодочка дружбы, только что плывшая по тихим волнам, разбилась вдребезги!

У ворот императорского дворца появилась пара вооруженных мечами и копьями людей в черном. Лица стражников мгновенно переменились:

— Что за сборище? Отразить нападение!

Вспыхнули лезвия мечей, брызнула кровь. Всадники в черном безо всяких препятствий ворвались внутрь, рубя всех направо и налево.

Сидя на драконьем троне, Чу Лань издали услышал шум и тут же нахмурился.

Приближенные чиновники, разумеется, тоже уловили тревожные звуки и принялись перешептываться кучками.

Вбежал облаченный в доспехи солдат и с громким стуком рухнул на колени:

— Ваше Величество, нападение врагов!

Чу Лань поднялся с трона и быстрым шагом вышел наружу. Снаружи уже царил полный хаос: люди в черном с обнаженными клинками сеяли бессмысленные убийства, а придворные слуги в панике разбегались во все стороны, превращая всё вокруг в настоящий филиал ада.

Евнух Пань торопливо шагнул вперед:

— Ваше Величество, не извольте беспокоиться, наложница и принцесса уже в безопасности.

Чу Лань повернулся и бросил ледяной взгляд на Фань Вэньфаня:

— Взять главного канцлера под стражу!

Лицо Фань Вэньфаня оставалось невозмутимым. Толпа людей в черном выступила вперед, взяв его в плотное кольцо. Его глаза не излучали ни капли тепла, когда он устремил взгляд на Чу Ланя: с этого момента они больше не государь и подданный — либо он умрет, либо он сам!

Из-за угла выбежала группа монахов в грязно-желтых рясах и принялась пригоршнями швырять в людей в черном какой-то порошок, будто тот ничего не стоил.

Раздались резкие звуки свирели. Тучи скорпионов, сороконожек и ядовитых змей заполнили пространство. Из-за поворота появилась белоснежная фигура, скрытая от глаз белой бамбуковой шляпой. Под звуки свирели ядовитые насекомые и змеи одна за другой нападали на людей в черном, заставляя тех падать замертво.

Лицо Фань Вэньфаня резко изменилось:

— Цзин У!

Он развернулся вместе с телохранителями, намереваясь бежать, но разве Цзин У позволил бы ему уйти? Бросившись вперед, он одним ударом ноги сбил не обладавшего никакими боевыми навыками Фань Вэньфаня с ног, после чего к его горлу тут же приставили два сверкающих меча.

Этот дворцовый переворот начался стремительно и завершился с не меньшей быстротой. Лицо

Фань Вэньфаня осунулось и посерело, а выражение лица Чу Фэна было немногим лучше.

Взгляд Чу Ланя упал на Чу Фэна:

— У Ци-вана такой дурной вид. Не заболел ли он часом?

Лицо Чу Фэна помрачнело. Если бы он сегодня ничего не предпринял, ему точно не суждено было бы живым покинуть дворец. Достав фейерверк, он запустил его в небо, и тут же со всех ног примчался еще один отряд конников.

Взгляд Чу Ланя помрачнел:

— Чего это добивается Ци-ван?

— Разве Ваше Величество сами не понимаете моих намерений? Зачем же спрашивать, — холодно усмехнулся Чу Фэн. — Похоже, регент поджидал этого дня уже давно, раз мы с главным канцлером оба угодили в его сети, как птицы в клетку.

Фань Вэньфан презрительно фыркнул:

— Я с тобой не в одном поле ягода — это ты привык исподтишка проворачивать грязные делишки.

Теперь ему стало всё понятно: Фань Цо пал жертвой интриг Чу Фэна, а его самого, Фань Вэньфаня, попросту использовали как таран.

Чу Фэн скривил губы в улыбке:

— Главному канцлеру не стоит так выражаться. В конце концов, мы друг друга стоим. Нет, погодите-ка — земля здесь носит фамилию Чу, так что я всяко выгляжу куда более законным наследником, чем главный канцлер. Вам со мной тягаться не по силам.

Лицо Чу Ланя стало ледяным. Заводить при нем речи о законности прав на престол — всё равно что показывать мастерство резьбы по дереву перед самым мастером Лу Банем! Разве кто-то мог сравниться с ним в законности?!

— Взять их!

Едва прозвучали эти слова, как к горлу Чу Ланя приставили ослепительно сверкающий меч. Сердечко юноши ухнуло вниз, и он скрежетал зубами от злости:

— Не Минчжи! Второй дядя обошелся с тобой более чем щедро!

Рука Не Минчжи, державшего меч у горла Чу Ланя, слегка задрожала, а голос прозвучал хрипло:

— Этот подданный... предал доверие Вашего Величества и регента!

Чу Лань холодно бросил:

— По какой причине?

Не Минчжи промолчал. Да и какая могла быть причина? Несчастья преследовали их род один за другим, усадьба Чэнцзэ-гуфу неуклонно приходила в упадок, а Не Цзэу во сне и наяву грезил о возвращении былого величия предков. Заставить усадьбу Чэнцзэ возродиться из пепла могло лишь одно — заслуги в воцарении нового монарха. А заставить верного долгу Не Минчжи изменить присяге могли лишь его молодая жена и ребенок: Не Цзэу попросту захватил Мэй Жо в заложники, когда тот совершенно не ожидал удара.

Монах в белом слегка приподнял руку, и следовавшие за ним боевые монахи тут же замерли.

Лицо Чу Фэна помрачнело:

— Государственный наставник, государь сейчас в моих руках, так что вам лучше вести себя смирно.

Раздался топот копыт, и во двор ворвался отряд воинов в доспехах во главе с Хуа Юньгэ. Этот отряд был лично сформирован Чу Цзюсюем и обычно подчинялся Хуа Юньгэ. Поскольку Хуа Юньгэ находился в Шанцзине, это войско, разумеется, тоже тайком прибыло в столицу.

Строй воинов расступился, являя взору карету, внутри которой находились жена и дети Ци-вана — сын, дочь и объятая ужасом супруга Ци-вана.

Бросив беглый взгляд на семью, Чу Фэн обратился к Чу Ланю:

— Ваше Величество, извольте издать указ об отречении.

Жена Ци-вана с недоверием посмотрела на мужа, прижала к себе сына, и из ее глаз градом хлынули слезы.

Мальчик поспешно протянул ручонку, чтобы вытереть их:

— Матушка, не плачь.

Супруга Ци-вана лишь крепче прижала к себе ребенка, а слезы полились еще сильнее.

— Да ты же просто животное! — холодно бросил Чу Лань.

Чу Фэн остался глух к упрёкам: победителей не судят!

Не Минчжи приставил меч к горлу Чу Ланя и повел его в боковой павильон, где уже был заготовлен чистый императорский указ.

Подготовка оказалась на редкость основательной: пожалуй, отправься Чу Фэн сейчас в отхожее место, он бы и там сумел извлечь из одежды рулон туалетной бумаги. С мрачной иронией подумал Чу Лань.

Подняв кисть, Чу Лань тихо произнес:

— Ты всё еще не хочешь остановиться? Раз второй дядя заранее обо всем позаботился, тебе следовало довериться ему.

Рука Не Минчжи дрогнула:

— Этот подданный хочет увидеть Мэй Жо.

В глазах Чу Ланя мелькнуло разочарование:

— Чу Фэн поднял мятеж, так что она, скорее всего, уже в пути.

Заметив, что Чу Лань не спешит браться за дело, Чу Фэн нахмурился:

— Живей!

Чу Лань опустил кисть на бумагу, выводя иероглиф за иероглифом, после чего поставил личную печать.

Чу Фэн бросил взгляд на стоявшего рядом старого евнуха:

— Ступай, заberi.

Старик поспешно семенил к столу, но не успел он коснуться указа, как сверкающее лезвие перерезало ему горло.

— Не Минчжи, тебе жизнь Мэй Жо больше не нужна? — лицо Чу Фэна исказилось от гнева.

Не Минчжи ничего не ответил.

Зазвучала мелодия свирели, и послушные Черви Гу вновь пришли в движение. Хуа Юньгэ взмахнул рукой, и солдаты бросились в атаку на сторонников Чу Фэна.

Лишившись заложника в лице Чу Ланя, Не Минчжи и его личная стража тоже обратили оружие против Ци-вана, и отряд Чу Фэна в мгновение ока поредел наполовину. Монах в белом словно по мановению волшебства оказался перед Чу Фэном. Тот кое-что смыслил в боевых искусствах, но перед монахом это оказалось сущим пустяком — всего через несколько мгновений мятежный ван был полностью обездвижен.

Чу Фэн тихо рассмеялся:

— Регент поистине хитер. Неужели Ваше Величество не боится, что он зарится на императорский трон точно так же, как и я?

— Ты заблуждаешься. — Чу Лань опустил веки, скрывая покрасневшие глаза. — Не говоря уже о том, что второй дядя и помыслить о таком не может, но даже пожелай он занять престол — разве я стал бы возражать?!

Десять дней назад...

Чу Лань тянул Чу Цзюсю за рукав:

— Второму дяде обязательно нужно ехать?

Чу Цзюсюй помогал Чу Ланю облачаться в драконью мантию:

— Роу-роу, не бойся, государственный наставник защитит тебя.

— С чего это государственный наставник стал нам помогать? Чего он добивается на самом деле? — допытывался Чу Лань.

— Не знаю, — погрузившись в задумчивость, ответил Чу Цзюсюй. — Скорее всего, у меня есть то, в чем он нуждается. Когда придет время, просто отдадим ему это, тебе не о чем беспокоиться.

Чу Лань кивнул:

— Раз второй дядя уже всё решил, так тому и быть!

Как же горько Чу Лань раскаивался теперь в тех словах!

Чу Фэн издевательски усмехнулся:

— Какая трогательная дядиная и племянничья привязанность!

Этот день явно был обречен на превратности судьбы. В толпе поднялся легкий шум, и путь у ворот расступился. Седовласый старик приставил клинок к горлу великой вдовствующей императрицы, а позади него шли Чу Юань, Чу Лин и Вдовствующая императрица Чжоу!

И Вэнь с мрачным выражением лица вошел в зал и опустился на колени перед Чу Ланем:

— Этот подчиненный проявил некомпетентность!

Взгляд Чу Ланя скользнул по старику и остановился на Чу Лин. Поймав этот взгляд, та смущенно отвела глаза.

— Чего же добивается маркиз? — спросил Чу Лань.

Стариком оказался не кто иной, как старый маркиз из резиденции Чжэньвей-хоу и дед Чу Ланя по материнской линии:

— Обмен пленными.

— Идет! — Чу Лань на мгновение зажмурился, а затем распахнул глаза. — Меняем троих!

Лицо Чу Лин перекошило:

— Августейший брат...

Ледяной взгляд Чу Ланя упал на нее:

— Я спрятал вас в тайной комнате, каким же образом они вас отыскиали?

Чу Лин занервничала и забормотала что-то невнятное: это она бросила на пол маленькую

бусину, чтобы привлечь внимание старика.

В этот момент Сы Вэнь приволок по рукам и ногам связанного Не Цзэу, за которым следовали бледная Мэй Жо, прикрывавшая лицо платком от запахов.

Сы Вэнь подбежал к монаху в белом:

— Государственный наставник, это... как же всё дошло до такого? А?

— Берегись врагов снаружи, но бойся домашних, — помотал головой Мин Чэнь. — Вернется регент — огорчится же он.

Ледяной взгляд монаха в белом пронзил скрывавшее лицо бамбуковое убранство и устремился на болтливого Мин Чэня:

— Тихо!

Поняв, что от Чу Лин больше нет никакой пользы, старик даже не взглянул на нее:

— Обмен у ворот дворца! Государственный наставник не должен идти.

Мин Чэнь протянул руку и похлопал монаха по плечу:

— Чистой воды дискриминация!

— Слишком много болтаешь, — холодно бросил монах в белом.

Мин Чэнь досадливо опустил руку: и что он за друг такой после этого!

Шумная процессия внушительной толпой направилась к воротам императорского дворца. Там их уже поджидал оставшийся в Шанцзине верный отряд Чу Фэна — его последний путь к отступлению.

Старик толкнул вперед Вдовствующую императрицу Чжоу:

— Ци-ван.

Глаза Вдовствующей императрицы слегка покраснели: никто бы не остался равнодушным, когда с тобой так поступает собственный отец.

Вдовствующую императрицу Чжоу обменяли, и Чу Фэн поспешно влился в ряды своих людей, которые тут же взяли его в кольцо охраны.

Старик вытолкнул Чу Юань, и Чу Фэн потребовал:

— Меняем на Чжоу Цзыхэна!

Старик кивнул:

— Идет!

По знаку Чу Ланя на мостовую вытолкнули связанного по рукам и ногам Чжоу Цзыхэна. Проходя мимо друг друга, Чжоу Цзыхэн бросил мимолетный взгляд на кроткое и покорное лицо Чу Юань, и тут же отвел глаза.

Чу Юань встала за спиной Чу Ланя, и тот ободряюще похлопал ее по плечу.

Старик посмотрел на сохраняющую полную невозмутимость великую вдовствующую императрицу:

— Отпустите их.

Великая вдовствующая императрица приоткрыла глаза:

— Ни в коем случае!

Помолчав мгновение, Чу Лань взмахнул рукой, приказывая выпустить пленников.

Не оглядываясь назад, Чу Фэн первым поскакал прочь во главе отряда. Как только его силуэт скрылся из виду, старик опустил меч, и несколько стражников бросились вперед, скрутив его.

Чу Юань поспешно бросилась поддерживать великую вдовствующую императрицу.

На улицах столицы поднялась суматоха: перепуганные насмерть горожане разбежались во все стороны, то тут, то там падали люди в черном, завязывались ожесточенные схватки. Лишь когда всё закончилось, выяснилось, что под видом Чу Фэна и Чжоу Цзыхэна скрывались подставные лица, а настоящие беглецы невесть когда переоделись и под шумок скрылись.

Весь Шанцзин был взят под строжайший контроль, однако тщательные поиски с пристрастием не принесли результатов — обнаружить беглецов не удалось. Хуа Юньгэ обыскал лавку одежды и, взломав дверь, обнаружил мертвых лавочника и подмастерье.

Вскрыв дощатый настил пола, он обнажил вход в тайный ход, через который Хуа Юньгэ с людьми выбрался за городские стены. Имея под землей такой лаз, они могли искать Чу Фэна и Чжоу Цзыхэна в городе хоть десять лет — и всё равно не нашли бы. Более того, исчез не только Чжоу Цзыхэн с Чу Фэном, но и Фань Фань. Старый лис Фань Вэньфан всегда отличался крайней осторожностью, и на этот раз, затеяв мятеж, он заблаговременно спрятал Фань Фаня так надежно, что отправленные Чу Ланем люди потеряли всякий след.

Всех причастных к мятежу незамедлительно упрятали в тюрьму строжайшего режима, ожидая окончания допросов перед смертной казнью. Монах в белом лично проводил Не Минчжи в темницу и лишь сухо обронил вслед:

— Он будет разочарован.

Не Минчжи горько усмехнулся, не найдя что ответить. Шаг за шагом — и они зашли в тупик.

Узнав о том, ради чего Не Минчжи пошел на такой шаг, Мэй Жо зарыдала и лишилась чувств.

Глухой ночью четыре темных силуэта приблизились к массивным воротам просторной усадьбы и ловко перемахнули через забор. Цин Юй с размаху наступил

на лежащую на земле мотыгу, и ее длинная рукоять с неожиданной силой ударила его в грудь, заставив скривиться от боли.

Весь двор был испещрен глубокими ямами и выбоинами. Цин Юй проворчал:

— У этого Гоу Вэя здесь что, залежи золота и серебра или зарыты сокровища? Глянь-ка, живого места на земле не осталось.

И Вэнь хмыкнул:

— Мечтай больше. Скорее всего, он припрятал здесь какие-то компрометирующие улики.

— Ночь темна, неужели людям и помечтать уже нельзя? — недовольно протянул Цин Юй.

И Вэнь нахмурился:

— Твой старший брат столько лет лечил людей и заработал целое состояние, с чего это у тебя

такая мелочная душонка?

— Тебе легко говорить! Брат-то богат, но мы-то служим регенту и перебиваемся в нищете. Разве я не имею права подумать о собственных тайных сбережениях? — возмутился Цин Юй.

Чу Цзюсюй недовольно обернулся:

— С каких это пор я стал вас обделять? Разве за все эти годы я хоть раз обидел вас в денежном довольствии?!

И Вэнь: «...»

Цин Юй: «...»

Евнух Ван тихонько подсказал:

— Ваше Высочество, вы забыли? Их жалование выплачивается из казны резиденции регента, а все средства резиденции регента... поступают от государственного наставника.

Чу Цзюсюй: «...»

Чу Цзюсюй вспыхнул от досады:

— Государь жалования не платит, а на содержание всех вас требуются немалые средства, что мне еще оставалось делать?! — он резко повернулся к евнуху Вану. — И не надо выставлять дело так, будто я продался Цзин У! Я просто занял у него под долговую расписку, и как только разбогатею — всё верну!

— Конечно-конечно, извольте простить старого слугу, сболтнул лишнего, — евнух Ван поспешно пошел на попятную.

Чу Цзюсюй засунул руки в рукава:

— Ван-Ван, сколько я задолжал государственному наставнику? Подсчитай-ка на досуге, а то на душе вдруг стало как-то беспокойно.

Евнух Ван тотчас отрапортовал:

— Ваше Высочество, старый слуга всё записывает. Вы должны государственному наставнику один миллион семьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот тринадцать лянов и пять цяней... золота!

Чу Цзюсюй: «...»

Вообще-то можно было не вести подсчеты с такой пугающей точностью, теперь он и вовсе предпочел бы остаться в неведении!

Чу Цзюсюй хмуро поинтересовался:

— Как думаешь, если я просто откажусь возвращать долг, что сделает государственный наставник?

Цин Юй: «...»

И Вэнь: «...»

И кто только что с пеной у рта доказывал, что непременно вернет долг?!

Евнух Ван озвучил самую суть:

— Ваше Высочество, долг платежом красен — вернете, тогда и снова занять сможете.

Звучало на редкость убедительно!

Цин Юй плеснул масла в огонь:

— Вернешь тут, как же... Вернешь — и снова возьмешь, но раз Ваше Высочество вернуть не в состоянии, то и занять вряд ли удастся. Проще уж и впрямь объявить себя банкротом и ничего не отдавать.

Евнух Ван повернулся и зыркнул на него:

— Слишком ты у нас умный!

Цин Юй тотчас расплылся в довольной улыбке: подумать только, его впервые в жизни похвалили за смекалку!

И Вэнь, наблюдавший за переменами на лице Цин Юя: «...»

Насколько же нужно растерять остатки мозгов, чтобы принять за похвалу явную шпильку евнуха Вана?

Окинув взглядом изрытую ямами землю, Чу Цзюсюй пробормотал:

— А ведь в доме Гоу Вэя вполне могут обнаружиться настоящие сокровища. Давайте-ка поищем как следует.

И Вэнь: «...»

Погром в усадьбе царил не только на улице: внутренние помещения тоже были перевернуты вверх дном, их обшарили с таким усердием, будто здесь побывала банда профессиональных ворчунов. Четверо поисковиков обошли все углы, но так и не обнаружили ничего полезного. Впрочем, этого следовало ожидать — особняк обыскивали столько раз, что оставалось лишь гадать, уцелело ли здесь хоть что-нибудь ценное.

Евнух Ван подтащил стул, позволяя Чу Цзюсюю передохнуть. Тот вконец вспотел, шаря по сундукам и шкафам, и евнух принялся обмахивать его старым веером. Цин Юй не стал проявлять излишних церемоний и просто уселся на ближайший чистый участок пола.

Взгляд Чу Цзюсюя упал на дверь неподалеку. Чистый лунный свет пал на ее полотно, окрасив его в пугающий багрянец, напоминающий запекшуюся кровь.

— Чьи это были покои? — осведомился он.

И Вэнь ответил:

— По слухам, здесь жила любимая наложница Гоу Вэя. Она обожала красное дерево, и полгода назад он с помпой заказал для нее мебель из этого материала.

Чу Цзюсюй вошел внутрь и бегло огляделся: кровать и шкафы действительно были ярко-красными и выглядели совершенно новыми. Затем его взгляд вернулся к двери, а от нее опустился к порогу. В отличие от сияющей двери, деревянный порог выглядел куда более старым и даже слегка поблек.

Прихватив лопату, Чу Цзюсюй принялся копать прямо вдоль порога. И Вэнь поспешил на помощь, и уже через мгновение порог был сорван с места. Чу Цзюсюй поднял массивный брус и на нижней стороне, обращенной к земле, обнаружил потайной замок. Нажав на него, он услышал сухой щелчок — порог разломился надвое, и оттуда выпали аккуратно свернутые три книги и несколько писем.

Цин Юй изумленно спросил:

— Ваше Высочество, как вам вообще пришло в голову искать тайник в пороге? Вряд ли нормальный человек додумался бы до такого.

— Все вещи в комнате заменили на новые, даже двустворчатые двери обновили. С какой стати оставлять старый порог без видимых на то причин? — пояснил Чу Цзюсюй.

Распечатав письма, Чу Цзюсюй вчитывался в строки, и лицо его мрачнело с каждой секундой. В переписке между Гоу Вэем и Фань Вэньфанем обсуждался крайне любопытный пункт: по указанию главного канцлера Гоу Вэй тайком переправлял крупные партии лекарственных трав в государство Чицзинь.

Чицзинь представлял собой островное государство, богатое рудниками, но скудное на целебные травы. Империя Чу Цзин жестко контролировала вывоз любых стратегических товаров за рубеж, и лекарства стояли в этом списке на первом же месте. После смерти старого правителя Чицзиня принцы беспрерывно оспаривали трон, а войны неизбежно влекли за собой жертвы, требующие обильных запасов медикаментов. Ежегодно Чицзинь закупал у Чу Цзина травы, пополняя императорскую казну золотом. Однако любому торговцу строжайше запрещалось продавать целебные сборы в Чицзинь в обход казны — за подобное нарушение полагалась смертная кара.

Чу Цзюсюй перевернул страницы найденной бухгалтерской книги. Суммы, набежавшие от этих сделок, поражали воображение:

— Этот пёс Фань Вэньфан!

Цин Юй скривился от отвращения:

— Всего за несколько лет нажили десятки миллионов лянов золота! Неудивительно, что они заставляли простых крестьян повсеместно выращивать целебные травы.

Чу Цзюсюй холодно усмехнулся:

— Продавали-то в Чицзинь по заоблачным ценам, а закупали у крестьян за бесценок. Простой люд живет одним днем и ценит стабильность: выделить под целебные травы лишь половину поля, а на остальном растить зерно — вот предел того, что способно вынести крестьянское сердце. Никакие горы серебра не заменят простому человеку спокойствия при виде закромов, полных зерна.

Евнух Ван нахмурился:

— Выходит, чиновники силой принуждали крестьян заниматься травами?

— Похоже на то. Зернохранилища в Чжэчжоу открывали всего дважды, что ясно указывает на их пугающую пустоту. — Чу Цзюсюй поднялся на ноги. — Гоу Вэй должен прибыть со дня на день, вот тогда-то я и сведу с ними все счета до единого!

Прихватив улики, способные отправить Фань Вэньфаня на плаху, четверо спутников направились к выходу из усадьбы. У самых ворот Чу Цзюсюй внезапно замер, знаком велел остальным укрыться в тени, а сам бесшумно заскользил за притолоку.

Скрипнула отворенная створка ворот, и две крадущиеся тени проскользнули внутрь, направляясь напрямик к кабинету Гоу Вэя. Кабинет действительно представлял собой жалкое зрелище: его выпотрошили подчистую, не оставив даже завалящей книги. Земля зияла провалами ям, а стены были изрешечены мелкими дырами.

На фоне столь живописного погрома тайник Гоу Вэя вызывал невольное восхищение: кому бы могло прийти в голову прятать секретные документы в пороге наложницы?

<http://bllate.org/book/21929/2278348>